

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 2

1979

Владимир ФРАНЮК

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

**ПОЛИРОВАННЫЙ
ШКАФ**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Владимир ФРАНЮК

ПОЛИРОВАННЫЙ ШКАФ

ПОВЕСТЬ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1979

Владимир ФРАНЮК

Владимир Анисимович Франюк родился в 1931 году в Харькове. После школы служил в армии, плавал матросом на промысловом флоте. Учился в институте кинематографии на сценарном факультете. Печататься начал в 1959 году. Рассказы публиковались в «Смене», «Москве» и других журналах.

В 1963 году издал книгу рассказов «Пора надежд», в 1969 — повесть «Круг». Обе вышли в издательстве «Молодая гвардия».

ПОЛИРОВАННЫЙ ШКАФ

1

— Алло, товарищ подполковник. Докладывает дежурный по управлению капитан Селезнев. Сообщение об убийстве. Звонили из автомата. Мужчина. Себя не назвал, повесил трубку. Тело якобы находится в квартире.

— Где это?

— Шестой микрорайон, улица Проезжая, дом пятнадцать, квартира сто семь. Даже этаж указал — третий.

— Откуда говорили? Удалось установить?

— Из поселка кирпичного завода. Там у них два автомата. У почты и гастронома. Звонили от магазина.

— Шестой микрорайон и поселок кирпичного. Почти разные концы города.

— Так точно, товарищ подполковник. Похоже, кто-то разлекается...

— Звонили участковому?

— Да. Не отвечает.

— Высылайте на место опергруппу Томилина. И вот еще что. Прикрепите-ка к нему лейтенанта Корнеева.

— Слушаюсь, товарищ подполковник.

Дом номер пятнадцать по Проезжей улице найти удалось не сразу. Район новостройки походил на лабиринт с тупиками. Путь машине часто преграждали толстые трубы, траншеи. Приходилось сдавать назад, разворачиваться.

Осенняя листва тонких деревьев ярко желтела на предзатном солнце. Шофер притормаживал среди многолюдья и похлопывал кнопку сигнала.

— Да, чуть не забыл,— обернулся Томилин к спутникам.— Валентин, когда позовешь квартиру обмывать? Получил ордер и притих?

— Не переехал еще, Степан Андреевич,— ответил, смутившись, Корнеев.— Обоим жене не понравились, переклеивали.

— Во-во, обоим. Потом в отпуск уйдешь... Направо, Саша. Вон участковый возле подъезда дожидается.

Участковый инспектор почтительно приветствовал выходящих из машины.

— Данные такие,— информировал он на ходу.— В квартире проживают двое. Савоськин Иван Гаврилович. Пятьдесят девять лет, рабочий мебельного комбината. И Рябова Фекла Матвеевна. Шестьдесят один год, пенсионерка. Оба ответственные квартиросъемщики.

— То есть незабвенная коммуналка,— заметил тучный, седой Томилин.— Живуча, проклятая.

Тесниться в лифте не стали. Степан Андреевич поднимался по лестнице впереди, тяжело дыша. Участковый инспектор, хоть и был взбудоражен событием, держался солидно, стараясь показать, что его служба тоже кой-чего стоит.

— А по мне, одиноких стариков нельзя поселять в изолированных квартирах. Прихватило одну с сердцем, пенсионерка тоже, и каюк. Только через неделю по трупному запаху...

— О понятых на всякий случай позаботились?

— Сделано.

Дверь сто седьмой квартиры оказалась обитой темно-зеленым дерматином. Корнеев сразу по достоинству оценил редкую обивку.

Участковый инспектор несколько раз подряд требовательно позвонил. За дверью тотчас послышались шаркающие шаги.

— Кто там? — спросил старушечий голос.

— Участковый.

Щелкнули запоры. Повязанная платком круглолицая старуха отступила, пропуская милиционера и остальных. С ней поздоровались. В квартире пахло политурой.

— Как поживаем, гражданка Рябова?..— громко начал участковый инспектор, но его мягко перебил сипло дышащий Томилин.

— Фекла Матвеевна, мы из милиции. Вы кого-нибудь просили позвонить нам?

Старуха пожевала губами.

— Нам назвали этот адрес,— объяснял Степан Андреевич, осматриваясь в опрятной прихожей.— Просили приехать.

— Ничего не знаю, не ведаю. Я на уши тугая, не знаю.

— А сосед ваш дома? — громче спросил Томилин.

— Давеча был. Сёдни не видала.

— Это его кепка, пальто, полуботинки?

Старуха кивнула и поправила заметно дрожащей рукой платок. Степан Андреевич постучал в дверь соседней комнаты. Толкнул. Заперта. Пошарил в карманах висевшего на вешалке пальто.

— Когда вы последний раз видели соседа?

— Вчерась ходил тут, фулюганил. В туалете набезобразничал...

— Младший лейтенант, организовывайте понятых, слесаря. Придется вскрывать.

— Есть организовывать.

— И как же он хулиганил, Фекла Матвеевна?

— Так и фулюганил. Пьяный ходил, слова нехорошие говорил, плювал на пол. Давай, говорит, распишемся.

— Ах даже так.

— Помру, говорит, целную квартиру займешь, жильцов пустишь.

— Он один выпивал или с кем-нибудь?

— Всегда сам. Каждый день вино, каждый день.

— Фекла Матвеевна, разрешите посмотреть из вашего окна, не уехала ли машина. Спасибо.

Высокая кровать с пирамидой подушек. Давнего базарного производства, разрисованный лебедями коврик. Вязаный тряпичный половичок. Сундук, комод, на нем фотографии. Подоконник уставлен цветочными горшками. В правом углу под иконой желтый огонек. От обилия кактусов, фикусов и зажженной лампадки в комнате сумрачно и душно.

Томилин остановился возле комода, разглядывая снимки.

Стриженный наголо красноармеец с петлицами на гимнастерке. Хозяйка в молодости с уложенными по давней моде волосами. Группа людей в белых халатах.

— В больнице работали, Фекла Матвеевна?

— При институте хирургии. Двадцать восемь годов в санитарках отходила. Одне благодарности получала. Директор, Ефим Борисович, бывалоче, за ручку здоровкался. Ей-богу. Вы, говорит, Матвеевна, серед других санитарок по чистоте настоящий профессор. Уж вылизывала им и палаты и коридоры, а пенсию, видишь, дали...

— Какой же это вы сегодня религиозный праздник отмечаете?

Старуха заправила волосы под платок.

— Успенье нынче. За ним воздвиженье будет. Воздвиженье пройдет — покров.

— График, значит, четкий. Не стану вам больше мешать, отдыхайте. Мы вас потом позовем.

До возвращения участкового инспектора Томилин сидел на кухне, барабанил пальцами по застеленному клеенкой столу. Кололо сердце, и он выжидал, когда исчезнет неприятное ощущение.

Корнеев с энергией начинающего криминалиста обследовал закоулки кухни, выстраивал пустые винные бутылки.

— Темнит бабка. Не кажется вам, Степан Андреевич?

— Да, чего-то недоговаривает невеста. Чего-то недоговаривает. О звонке определенно знает, явно ждала нашего приезда. Впрочем, было у меня подобное. Взломали, понимаешь ли, дверь, а мужик проснулся, лыка не вяжет... Ага, ну вот и понятые. Приглашайте Рябову.

Переход Степана Андреевича на «вы» означал, что личные отношения прекращаются, начинается работа.

С запертой дверью пришлось-таки повозиться, прежде чем открыли.

Прямо у стены стоял широкий, отливающий темным лаком платяной шкаф. Он выглядел необычно в почти пустой чистой комнате. Ее обстановку дополняла лишь раскладушка с лежащим человеком. Из-под байкового одеяла виднелись ноги в протертых носках.

Томилин подошел к раскладушке, откинул край одеяла и снова прикрыл лежащего. Обвел вокруг взглядом. Наклонился, тронул линолеум.

— Приступайте, Георгий Панфилович. Можете не осторожничать, пол недавно вымыт. А вы, младший лейтенант, не откажите в любезности вызвать машину увезти тело.

Сотрудники милиции принялись за обыденную для себя работу. Замелькали фотовспышки. Отыскивались и фиксировались на специальную пленку следы пальцев. Описывалось место происшествия, положение тела мертвого, его предварительный осмотр.

Савоськин лежал на спине с открытыми глазами и со сложенными на груди руками. Несвежая клетчатая рубашка, наручные часы «Салют», заношенные брюки. В карманах — мятая пачка сигарет, маленький ключ, коробок спичек, несколько монет. Затылочную часть с легкой проседью головы покрывала корка засохшей крови. Ее пятна темнели и на засаленной, без наволочки подушке. Почти полное трупное окоченение указывало, что смерть наступила около двадцати часов назад.

В огромном полированном шкафу на бельевых полках стояла банка лака, пузырек с растворителем, краски. Ниже — две отвертки, побольше и поменьше, шурупы, болты. Еще полкой ниже — откупоренная бутылка дешевого портвейна, стакан с вином, нож, нарезанная подсохшая колбаса, зачерствелый хлеб.

Дверца большого отделения была заперта на внутренний замок. Его отомкнули ключом, найденным в кармане мертвого. Здесь вообще ничего не было, кроме небрежно брошенного пиджака.

Корнеев поднял пиджак. Деньги.

Перехваченная резинкой довольно толстая пачка десятков. Пока их считали, а по квартире продолжался осмотр, Степан Андреевич выспрашивал старуху про людей, заходивших к соседу, о его образе жизни.

— В лицо никого не видала, а слышать слыхала. С им приходили и так. Натопчут-натопчут, мой посла за ими. И слова не скажи. Тебе, говорит, все одно делать нечего...

— Может, кого мельком приметили? Вспомните голос, какие-нибудь вещи.

— Запершись сидела. Ничего не знаю.

— Фекла Матвеевна, сделайте одолжение.— Томилин подал удерживаемый за края стакан.— Отнесите это молодому человеку в очках. Премного вам благодарен.

В квартиру явились парни с носилками и, грузно топоча, унесли накрытое тело. Протокол осмотра места происшествия дополчился указанием суммы изъятых денег — тысячи восьмисот рублей.

После окончания необходимых формальностей разошлись понятия. Преисполненный сознания выполненного долга, распрощался участковый инспектор.

Сидя на продавленной раскладушке, Томилин провел с сотрудниками короткое совещание и после их отъезда, не снимая плаща, прилег. По-прежнему щемило в левой стороне груди.

Наверное, он задремал, потому что очнулся от шороха в прихожей. Быстро поднялся, вышел. Там стояла в незастегнутом пальто старуха.

— Куда же вы это, Фекла Матвеевна, не попрощавшись? Вам придется задержаться. Очень сожалею.

Томилину действительно часто становилось жалко людей, имевших отношение к совершенным преступлениям. И на этот

раз он в невеселом раздумье ждал официального подтверждения своего подозрения.

Наконец приехал Корнеев. Показал расставленные два пальца, изображавшие латинскую букву V.

— Виват! А бабка-то в самом деле ой-ой. Вот заключение. Но есть еще новость. Прокуратура выделит следователя не раньше понедельника. Пока дело приказано вести органам дознания.

— Чему радуешься? — Томилин тяжело вздохнул. — Н-да. Выходит, сам на себя и навесил эту старуху. Ну что ж, надо идти.

Постучав, Степан Андреевич вошел в комнату Рябовой.

— Извините, вынуждены побеспокоить. Получено заключение дактилоскопической экспертизы. То есть специальной научной проверки. Она обнаружила на часах... следы ваших пальцев. Вам хорошо было известно о смерти соседа. Для чего это скрыли? — Томилин выждал. — Итак, вы, Рябова Фекла Матвеевна, подозреваетесь в причастности к убийству... Постойте, вам нехорошо? Ну-ка, голубчик, вызывайте поскорее неотложку.

2

В больнице врачи установили, что сердечный приступ Рябова симулировала. Но возвращаться домой старуха наотрез отказалась. По просьбе милиции Феклу Матвеевну оставили в палате.

Версия Томилина, которую он флегматично потом изложил молодому коллеге, основывалась на простом сопоставлении фактов.

В квартире на Проезжей его внимание привлекла цепь однородных деталей: одинаково всюду вымытые полы, явная профессиональная приверженность к этому занятию бывшей санитарки и, главное, чистота в комнате Савоськина.

— А мужик он, судя по всему, был весьма неопрятный. Помнишь: «плювал», сигарки кругом разбрасывал. При нем нашли сигареты, но нигде не увидели ни окурка, ни брошенной спички, ни даже табачного пепла.

— Кто-то устроил генеральную уборку.

— Не совсем так, голубчик, не совсем так. Уборка у Савоськина проводилась регулярно. На подоконнике, стенках шкафа, плинтусах — везде совсем тонкий слой пыли. Стекла окна чистые, форточка не закупорена, часто открывается. Согласись, вряд ли человек, подобный Савоськину, заботился о проветривании жилища.

— Допустим. Но порядок в комнате мог наводить кто угодно.

— Правильно, мог. И все-таки Рябова, а не кто-то мыла пол в прихожей после гостей соседа. Когда тот «безобразничал» в туалете, она и там убирала. Ради чего?

— Платил ей?

— Во-от. И если платил, то наверняка за конкретные услуги. Человек, пьющий суррогат и закусывающий его ливерной колбасой, определенно не склонен к фатовству.

— А тысяча восемьсот?

— То уже, кажется, из другой оперы, голубчик.

— Если так, то скорее всего Рябова должна иметь от комнаты ключ. Ключ от квартиры, где деньги лежат... А если они все же из той оперы, Степан Андреевич? Во-первых, мы не знаем, сколько их там было...

— Очень даже верно. Обзвони срочно сберкассы. Узнай, не делал ли Савоськин вклады. Так-так, продолжай.

— Ну и, во-вторых, взять деньги из шкафа что-то помешало. Предположим, ее или его слугнули.

— У Рябовой было время не торопясь, по-христиански сложить мертвому на груди руки. Затем она, опять же как истинно верующая христианка, пришла к себе и зажгла под иконой лампадку. Вот только почему старуха не закрыла Савоськину глаза? Я все время об этом думаю. Рябова не могла оставить их открытыми у мертвого. Уж ей, санитарке, повивавшей в больнице немало смертей, должно быть известно: у остывшего тела веки не опускаются. В таких случаях принято класть пятаки.

— Остается предположить, что бабка приступила к выполнению христианского долга с некоторой задержкой. А пятаков под рукой не оказалось или, скорее, было не до пятаков.

— Логично, голубчик, логично... Что-то меня вроде просквозило, не свалиться бы. Ты-ка вот что, Валентин. Завтра у нас пятница, так? Я, видимо, не появлюсь, чувствую себя отвратительнейшим образом. Так что в больницу тебе придется ехать одному. Допросишь Рябову — звякни мне, не сочти за труд.

Валентин понимал, что Томилин серьезно болен, и удивлялся, почему тот с таким упорством цеплялся за непосильную для себя работу. Старикан даже действовал ему на нервы своей нарочитой медлительностью.

Похожее чувство Валентин испытывал во время допроса и к Рябовой. За ночь, проведенную в больничной палате, она заметно осунулась, потемнела. Начиная плакать, щеки вытирала

заскорузлой ладонью. Все, чего добился от нее Корнеев, выразилось в протоколе допроса одной строчкой: «Ничего не знаю, не ведаю».

— Ну ладно, давайте закругляться. Вот увеличенный снимок следов указательного и среднего пальцев вашей правой руки, которые вы оставили на специально поданном вам стакане. А вот, тоже увеличенные, отпечатки тех же пальцев на стекле часов. Идентичность их установлена. Можете сравнить.

— Ничего не знаю, не ведаю.

— Слышал! У вас, извиняюсь, как у попугая, одно и то же. Еще раз повторяю вопрос: при каких обстоятельствах вы заходили в комнату Савоськина? Натe выпейте воды.

— На старости лет, господи!..— Старуха закрыла лицо руками и покачала из стороны в сторону головой.

— Вот именно. Подумайте хорошенько об этом. Прочтите и распишитесь здесь. Усложняете вы, Рябова, свое положение.

После допроса Валентин позвонил Томилину домой. Трубку сняли, попросили подождать. Наконец послышалось сипящее дыхание.

Справившись о самочувствии и услышав в ответ «неудрно, весьма неудрно, голубчик», Валентин не без удовольствия сообщил, что в сберегательной кассе — он назвал номер, адрес — восемь месяцев назад гражданином Савоськиным Иваном Гавриловичем был открыт личный счет. Три дня назад всю сумму в размере тысячи восьмисот рублей семидесяти шести копеек вкладчик снял.

— Ага, по крайней мере известная определенность, — сказал Томилин и, выслушав доклад о проведенном допросе, по своему обыкновению с паузами начал рассуждать: — Похоже, наша подопечная дисциплинированно выполняет полученное указание. Со старого человека, мол, взятки гладки. Такой тактики она будет придерживаться до очной ставки, поверь мне. Здесь логика, показания экспертизы бесполезны. Надо браться за работу.

— Я что же, Степан Андреевич, баклуши бью? — обиделся Корнеев.

— Сегодня отправляйся на комбинат и начинай собирать материал. По существу, мы пока не имеем никакого представления о личности убитого. Завтра и послезавтра выходные дни, слишком большой разрыв получится во времени. А нам нужно ухватиться за что-то существенное.

— Степан Андреевич, простите, но у нас в руках есть...

— У нас в руках очень немногое, голубчик. Очень немногое. Не поинтересовался знакомыми, родственниками Рябовой? Есть ведь у нее кто-нибудь. Вот и нужно выходить на них.

— Только котка своего вспоминала. Остался вроде запертым. И лампадку, говорит, не потушили.

— Ну, лампадка долго гореть не будет. А вот котка придется ехать выпускать. Живое существо.

— Степан Андреевич, я ведь тоже живой, разорваться не могу. Или комбинат, или кот. Туда к ней через весь город добираться надо, а я в воскресенье переезжать хочу.

Валентин разозлился на Томилина. Он не сомневался: убийство совершено из-за денег. Взяты из сберкассы они были накануне. Правда, неизвестно для чего. Но сразу после их появления в комнате Савоськина произошло преступление.

Старуха, вероятно, знала о деньгах и, возможно, выполняла роль наводчицы. Здесь предположения его и Томилина, пожалуй, сходились — бабка запиралась по разработанному кем-то сценарию.

На мебельно-сборочном комбинате Корнеев неожиданно обнаружил одну весьма примечательную вещь.

Сначала он зашел к начальнику отдела кадров навести справки о Савоськине. Старый грузчик, оказалось, числился передовиком производства, не раз поощрялся денежными премиями.

— По-моему, он даже у нас в завкоме, если не ошибаюсь. Одну минутку.— Кадровик нажал клавишу переговорного устройства.— Клавдия Ивановна, послушай, у тебя Савоськин, со склада который, не в активе случаем?

— Савоськин? — переспросил динамик на письменном столе.— Надо посмотреть Срочно нужно?

— Да что значит срочно! Ты должна знать своих людей! Немедленно выясни и заходи! Вот народ,— возмутился кадровик.— Прямо как на луне живут.

— А этот Савоськин сейчас здесь? — насмешливо взглянул на него Валентин.

— Если нужно, вызовем.

Начальник отдела кадров отдал распоряжение подослать к нему грузчика Савоськина. Ответили, что только вышел со склада. Его искали на протяжении всего времени, пока Корнеев листал принесенное личное дело.

Биография Савоськина выглядела ничем не примечательной. Участник войны. Плотник-краснодеревщик по профессии. Имел дочь, жена умерла несколько лет назад. До комбината, судя по записям в трудовой книжке, работал в нескольких местах, откуда однообразно увольнялся за прогулы. На комбинат по-

ступил отделочником, но за нарушение трудовой дисциплины был переведен в грузчики.

Кончив писать, Корнеев застегнул папку и спросил кадровика:

— Ну что, нашли Савоськина?

— Говорят, уехал с машиной. У нас, знаете, сплошной конвейер. Производство — торговые организации — потребитель. И все-таки не успеваем. Мало еще выпускаем мебели, не секрет. Мощности недостаточные... Вы не будете ждать? Машина должна скоро вернуться.

— Не имеет смысла. До свидания.

И вот, проходя по двору комбината, Корнеев увидел пригтовленную к отправке партию кресел. В глаза бросилась обивка — знакомый темно-зеленый дерматин. Валентин, не веря себе, подошел и потрогал кресла. Это была удача.

Его и раньше одолевал вопрос: откуда у Савоськина появилась за сравнительно короткий срок крупная сумма денег? Теперь он, кажется, мог разрабатывать собственную версию.

На следующее утро, в субботу, Корнеев с ключами старухи поехал в шестой микрорайон. Запертый кот волновал его меньше всего, ему не терпелось увидеть подтверждение своей догадки — обитые темно-зеленым дерматином двери квартир. Он еще не представлял связи между дверной обивкой и убийством, но чувствовал: связь есть.

Больше часа Валентин переходил из дома в дом, из подъезда в подъезд, поднимался лифтами на верхние этажи и спускался пешком. Нет. Так и не встретил ни одной темно-зеленой обивки.

Изрядно уставший, раздосадованный, он вошел в сто седьмую квартиру. Опечатанная накануне дверь Савоськина была по-прежнему закрыта. Отпер комнату старухи, сердито позвал:

— Кс-кс.

Заглянул под кровать, за комод. В поисках кота сходил на кухню, открыл туалет, ванную. Вернулся в комнату, осмотрелся. Его охватило странное ощущение, словно здесь до него уже кто-то побывал.

И он понял, откуда появилось ощущение, когда поднял глаза к иконе. Стеклопанная лампадка не горела, хотя в ней еще оставалось масло.

В следующее мгновение Валентин заметил лежащую на полу, за подставленным к иконе стулом, коричневую замшевую перчатку. Поднял. Перчатка мужская, большого размера, поно-

шенная. Корнеева так поразила находка, что до него не сразу дошел негромкий звук.

Валентин замер, прислушиваясь.

Кто-то осторожно отпирал с лестничной площадки квартиру. Корнеев сунул перчатку в карман и, сдерживая дыхание, стал ждать.

Пришелец вошел в переднюю. Крадущиеся шаги направились к соседней комнате. Тогда Валентин, больше не выжидая, распахнул дверь.

3

В прихожей, испуганная неожиданным появлением Корнеева, стояла полная крашеная блондинка. Она оторопело подняла к груди сетчатую сумку со свертками и попыталась, готовая ринуться из квартиры.

— Лейтенант милиции Корнеев. С кем имею честь?

— Пустите меня. Я буду кричать.

— Вот это уже напрасно. Вас не убивают, не грабят, а спрашивают, кто вы такая.

— Что вам от меня нужно?.. Я здесь не живу, зашла по знакомству.

— Документ при себе какой-нибудь имеете?

— Ничего нет.— Блондинка для убедительности развела ручки сетчатой сумки.— Смотрите, сыр, вино, яблоки... Я что, обманывать вас буду?

— Фамилия, имя, отчество, где проживаете?

— Лузгина Тамара Петровна. Проживаю... Как бы вам сказать поточнее. На улице Текстильной, номер двенадцать, квартира тридцать четыре.

— И к кому вы, Тамара Петровна, пришли?

— Я же сказала, к знакомым... Очень вас прошу, у меня нет времени.

Блондинка врала направо. Хозяина комнаты, к которому пришла, знала лишь как дядю Ваню. Какое именно дело ее сюда привело, объяснить затруднялась. Для чего имела ключ от чужой квартиры — тоже.

— Загадочная история получается, Тамара Сергеевна. Пришли к малознакомому человеку неизвестно зачем, входите к нему в дом при помощи непонятно как попавших к вам ключей. Согласны со мной? Да, где вы, сказали, живете?

— Я ведь уже говорила. Улица Текстильщиков, номер двенадцать, квартира тридцать шесть.

— Быстро управились с обменом.

Блондинка поняла, что запуталась, и презрительно ухмыльнулась:

— Поймал он! Других нужно ловить. А то шантрапу всякую распустили, справиться не можете, так на порядочных людях выезжаете.

— Значит, с легендой о Лузгиной Тамаре Сергеевне, то бишь Петровне, будем считать, покончено. Тогда разрешите перейти к официальной части. Своим ключом закроете квартиру или доверите мне?

На лестничной площадке Корнеев галантно предложил взять из рук спутницы сумку. Вызвал лифт. Молча спустились, вышли на улицу.

— Неприлично идти рядом в такой чудесный день и не разговаривать. Кто же вы все-таки есть, прекрасная незнакомка? Ну хотя бы где работаете?

— В универмаге. Вас устраивает?

— Вполне.

— Между прочим,— блондинка помедлила,— могу доставать хорошие вещи.

— О, вы опасная женщина. И вообще давайте условимся: сейчас я ничего не слышал. У вас, по-моему, и без того хватит хлопот... Эй, такси!

«Волга» с шашечками на дверце не остановилась. К троллейбусу нужно было переходить через шоссе. У полосатой дорожки со светофором скопилось много машин. Корнеев по обыкновению хотел перебежать до открытия движения, даже устремился вперед, но из-за спутницы передумал. А когда обнаружил, что та успела перейти шоссе, их уже разделил двойной поток машин.

Ошеломленный случившимся, Валентин видел, как блондинка остановила бежевые «Жигули», как, придерживая полы пальто, садилась в легковушку, и ничего не мог предпринять.

— Тамара Петровна! — крикнул он, махая рукой. — Э-эй!

«Жигули» отъехали и начали быстро удаляться. Не дожидаясь зеленого света, Корнеев бросился перед тормозящими с визгом машинами на противоположную сторону шоссе, стал перед мчащимся почтовым фургончиком — «Москвичом». Фургон, останавливаясь, вильнул в сторону, чтобы не сбить человека.

Валентин рванул дверцу, хлопнулся рядом с шофером.

— Милиция... Давай, друг, жми. Бежевые «Жигули».

— «Жигули» не догоним.

— Надо. Очень.

Единственная надежда Корнеева на то, что толстуха будет стремиться уехать с окраины к центру города, оправдалась.

Через какое-то время он заметил впереди маячившую среди транспорта машину бежевого цвета. То ли на ней еще стоял заводской ограничитель скорости, то ли за рулем сидел осторожный водитель, но почтовый фургончик неуклонно приближался к «Жигулям».

Валентин уже различал за широким стеклом светлый платок толстухи, уже радостно подзадоривал шофера фургончика, но тот вдруг нажал педаль тормоза и потянул рычаг. Корнеева сдвинуло с сиденья.

— Желтый, — объяснил водитель.

— Давай, пошел!

— Не могу, приятель. У тебя своя работа, у меня своя.

Корнеев выскочил из фургончика, кинулся к регулировщику. Сейчас же по спецсвязи ближайший пост автоинспекции получил сообщение о машине и ее пассажирке. Когда Валентин подъехал к следующему на трассе светофору, знакомые «Жигули» стояли у обочины.

В них сидел лишь мужчина за рулем. Берет, седые баки. Он не понимал, почему его остановили, и требовал объяснения у рассматривавшего водительские права сержанта.

— Женщину сейчас везли? — обратился к нему Корнеев.

— Ах вот что! По-вашему называется: левак? Я, молодой человек, преподаватель классического танца, балетмейстер...

— Где высадили, куда она собиралась ехать?

Преподаватель классического танца растерянно посмотрел на пустое место рядом с собой и удивленно поднял брови.

— Как, неужели та дама?..

— О чем она говорила, когда вас остановила, когда выходила?

— О чем? Не помню, о чем. Убейте, не помню. Такая милотная, представительная...

Корнеев на всякий случай записал номер машины, фамилию, телефон балетмейстера и хмуро пожелал ему счастливого пути. В руке он нелепо держал сетчатую сумку со свертками.

Степан Андреевич Томилин никогда не помышлял о карьере юриста. После войны демобилизовался, время было голодное, выбирать с устройством особенно не приходилось. Как недавнему фронтовику-разведчику, ему предложили пойти работать в милицию. А там женился, появился ребенок, послали в двухгодичную школу. Вроде профессию получил. Так и остался.

С семьей не повезло. В общем, жена повела себя нехорошо, и Степан Андреевич не мог не подать на развод. Сын тоже

не удался. Вырос без отца изрядным лоботрясом, ночевал теперь по стройкам, скрывался от алиментов.

Уже в зрелые годы Томилин одолел заочно юридический факультет, но слишком поздно для служебного продвижения. Степан Андреевич издавна вел однообразное существование холостяка, до самозабвения увлекался аквариумными рыбками.

По выходным дням он ходил к зоомагазину, где собирались такие же чудачки, договаривался менять флаговых меченосцев на суматранского барбуса, обсуждал варианты «пара моллиенизий с придачей одного жемчужного гурами на самку скалярии»; возил к себе школьников, отлавливал им в банки мальков, делился сухим рыбьим кормом, раздобывал какой-то необычный речной песок.

Соседи по квартире не скрывали недовольства беспокойной деятельностью Томилина и, когда ему звонили по телефону, громко сообщали из коридора: «Степан Андреевич, опять вас!»

Едва он в этот день, закончив разговор с владельцем рыбки цихлазомы мееки, лег под плед на диван, как в коридоре зазвонил телефон и в дверь сердито застучали.

— Опять вас! Нанялась ходить туда-сюда...

— Оля, голубушка, скажите, пожалуйста, что я не могу подойти.

Оля не расслышала. Томилин нашарил ногами шлепанцы. Вышел в коридор, взял трубку.

— Степан Андреевич, я ее упустил! Можете гнать меня в три шеи! Корнеев говорит... Я идиот, Степан Андреевич, кретин!

Валентин, горячась, рассказал Томилину, о происшествии в сто седьмой квартире на Проезжей улице.

Потирая левую сторону груди, Степан Андреевич негромко заговорил:

— Зевнул, Валентин, зевнул. Ушла с концами. Однако, полагаю, пышная дамочка не имеет к нам отношения. Не вяжутся сюда сухое вино и яблочки. Что-то твою блондинку, конечно, привело к Савоськину, но очень уж все смахивает на случайное стечение обстоятельств.

— А если продуманная инсценировка?

— Не похоже. Впрочем, возможно, голубчик, возможно. Бери эту историю на карандаш и ломай голову, упражнение полезное. Перчатка вот — серьезно при любом варианте. Могли и отвлекать. Причем без особого риска. Замша для дактилоскопической экспертизы все равно что для розыскной собаки лужа. Кстати, визитер действовал по-домашнему: выпустил kota, погасил лампадку. Человек он, видимо, невысокого роста.

Я бы потушил лампадку так: подставил сверху ладонь и дунул. Ему понадобилось взбираться на стул. А лапа, говоришь, здоровая. Крепкий коренастый парень. Замшевые перчатки сейчас — стиль молодежный. Беспокоит меня другое. Ты слушаешь? Притих там.

— Слушаю, Степан Андреевич. Думаю просто.

— Вот и я думаю. Перчатку в комнате Рябовой ты взял без понятых. Значит, она не вещественное доказательство.

— Что же делать?

— Ты откуда звонишь?

— Из автомата, что возле «Космоса», на Первомайской.

— Ага. Ну, подъезжай к больнице. Скоро буду.

— Степан Андреевич, вам же надо лежать...

Валентин ждал на трамвайной остановке. Томилин, как всегда, выглядел мятым, наспех повязанный галстук топорщился. Степан Андреевич взял у Корнеева перчатку, сетчатую сумку и велел отправляться домой.

— А вы?

— А мне не мешало бы покалякать с Рябовой на религиозную тему. Кажется, нам найдется, о чем поговорить. Кажется, найдется.

— Тогда я с вами.

— Вот что, голубчик. Послушайтесь доброго совета. В вашей жизни будут еще дела об убийствах, грабежах, изнасилованиях. Увы. Но в этом большом, полном сложностей мире человек обязательно должен иметь свой маленький мир, который называется семьей. Он у вас есть, берегите его. Сегодня выходной, ступайте.

— Вот потому, что выходной, я позволю себе не подчиниться. Идемте, сейчас как раз время для посещения больных.

В палате Рябова оказалась одна. С первых же слов разговора она принялась твердить: «Ничего не знаю, не ведаю». Томилин сообщил, что лампадка больше не горит, кот не находится взаперти и, надо полагать, неплохо проводит сейчас время.

— А вот со святыми праздниками, Фекла Матвеевна, вы грех на душу взяли. Не были вы вчера в храме, Фекла Матвеевна. Перечисляли мне: нынче усенье, за ним воздвижение, потом покров.

— А как же. За успеньем воздвиженья, за воздвиженьем покова...

— Все правильно. Кроме одного. Успенье богородицы в этом году прошло две недели тому назад. И вы это знали лучше меня.— Томилин вынул из кармана блокнот, надел очки.— Но я вчера не поленился зайти к батюшке в храм, где было что-то вроде санитарного дня. Батюшка мне по православному календарю любезно и продиктовал. Слушайте. Успенье — двадцать восьмого августа. Воздвижение креста господня — двадцать седьмого сентября. Покров же святой богородицы наступит только четырнадцатого октября. Запутались вы, Фекла Матвеевна. И лампадку вы зажгли по убиенному рабу божьему Ивану.

Старушка прижала морщинистую руку к лицу и начала покачивать головой.

— Взгляните сюда. Чья это перчатка?

Старуха утерла глаза, посмотрела.

— Толика маво.

— Кто он? — быстро спросил Корнеев.— Его фамилия?

— Сестрин сын, племяш мой. Толик Чуваков. Сестра померла...

— Фекла Матвеевна, где живет ваш племянник?

— Здесь и живет. На кирпичном заводе.

Томилин с Корнеевым переглянулись. Именно оттуда, из телефона-автомата поселка кирпичного завода, накануне в управлении и приняли анонимное сообщение о совершенном преступлении.

4

После разговора с Рябовой немедленно был запрошен специальный отдел управления: не имеется ли данных о ее племяннике. И вскоре их получили.

Чуваков Анатолий Тарасович, тысяча девятьсот сорок восьмого года рождения, привлекался к судебной ответственности за ограбление сельского магазина. Был осужден на пять лет лишения свободы. За примерное поведение, добросовестный труд условно-досрочно освобожден, с тех пор работал на кирпичном заводе, жил по такому-то адресу.

— А племяш-то ое-ей,— сказал Корнеев.

— М-да, парень тертый.

Из лаборатории дактилоскопической экспертизы пришел ответ: среди снятых в комнате убитого следов отпечатки рук Чувакова не обнаружены.

— Черт возьми! — пристукнул ладонью Корнеев.

— Хорошо, очень хорошо.— Томилин положил в рот таблетку.— По крайней мере надежда есть, что человек чистым остался.

— Ничего себе чистюля! Пять лет схлопотал за грабеж, отряхнулся и опять чист, как стеклышко.

— Да так ведь и должно быть, голубчик, так и должно. Поэтому в жизни больше чистого, чем грязного. Иногда мы просто об этом забываем. Всем людям свойственно ошибаться, только не каждая ошибка приводит их к нам или нас к ним. Видишь, наверное, из меня получился бы неплохой школьный учитель или какой-нибудь там мастер производственного обучения, а вот милиционер... М-да. Ну что ж, надо ехать.

Когда подъезжали к поселку кирпичного завода, в окно с приспущенным стеклом потянуло запахом жженой глины.

— Сапоги тачают, а босыми ходят,— сказал Томилин.— Так и у них. Кирпич изготавливают, а живут в мазаных казармах.

Поселок почти весь состоял из деревянных двухэтажных домов. Чувствовался выходной день. Визгливо играла гармонь, по дощатому тротуару шел с выпущенной поверх брюк рубашкой мужчина.

Корнеев с сотрудником вошел в дом, другой оперативник сел на лавочке возле входа.

Почти сразу они вернулись в машину.

— Жена говорит, всю неделю во вторую смену работал, а сегодня в первую вышел. Может, с концами?

— Тебе бы, Валентин, книжки про сыщиков писать. Уж ты б накрутил так накрутил,— усмехнулся Томилин.— Ладно, ребята, поехали смотреть, как кирпич делают.

На завод он прошел в сопровождении Корнеева. Как тут делался кирпич, ему не понравилось. Томилин на ходу поднял с земли кирпичные куски, ударил один о другой.

— Труха, настоящая труха. Ай-яй-яй, что творится! Наверное, рапортуют, прохвосты, о миллионах штук, выпущенных сверх плана. Кому он, скажи, такой сверхплан сдался?

— Раньше, Степан Андреевич, я читал, в глину добавляли яичный желток, вино. Потому вон Брестская крепость столько держалась под снарядами и бомбами.

— Брестская крепость, голубчик, держалась людьми. И об этом никогда не следует забывать. Особенно в нашей с тобой работе.

— Поясните, Степан Андреевич.

— Не рассчитывай, голубчик, всю жизнь ловить отпетых негодяев. Люди от природы добры, честны, самоотверженны. Большинство преступлений не что иное, как совершенные ошибки.

— Значит, по-вашему, убийство Савоськина не больше не меньше как чья-то досадная ошибка? По ошибке забрел в чужую комнату, по ошибке стукнул сзади человека, по ошибке замел, вернее, замыл следы...

— Ошибки бывают разные. За одни ничем не нужно расплачиваться, за другие — очень многим. Иногда слишком многим.

Валентину показалось, что Томилин говорил о себе.

Дирекция была закрыта. В заводской лаборатории подсказали: Чувакова нужно искать у тоннельной печи.

Пришли на участок первичного дробления и очистки глины. Грохот вальцов мешал разобрать, что отвечал рабочий. Тот махнул рукой вперед.

По слякотному месиву миновали гудящие и шипящие паром механизмы. Там, где выползающий из вакуумного пресса глиняный брус резался на заготовки кирпичей, Корнеев громко спросил женщину в клеенчатом фартуке:

— Кто здесь Чуваков?

— Да вон, поммастера. — Она кивнула на мокрого от пота приземистого парня в майке. — Толя!

Чуваков с женщинами толкал вагонетки, груженные сырыми кирпичами. Он оглянулся. На его мускулистых руках и плечах синели татуировки. Парень начальственно покрикивал, игнорируя незнакомцев.

В конце концов с деланным безразличием направился к ним.

— Так. Что имеем сказать?

— Хотим спросить, Чуваков. — Томилин слегка высунул из нагрудного кармана пиджака милицееское удостоверение.

— Понял. Одеваться или как?

— С вещами, — насмешливо кивнул Корнеев.

— Вам привет от тети, — добавил Томилин.

— А-а. Быстро вы. Не зря, выходит, хлеб едите. Только тетку понапрасно взяли, ни при чем она.

— Ты позавчера звонил в милицию?

— Ну, звонил. И ее, тетю Феню, подучил, как чего вам говорить. Да и я ни при чем!

— Если ни при чем, то зачем тебе все это понадобилось?

— Долго объяснять, товарищ начальник. А у меня сейчас перегрузка сырца после сушилки на печные вагонетки. Партия лицевого кирпича. Проследить за девочками надо. Как?

— Давай, — разрешил Томилин.

Расстегнув плащ, сдвинув с потного лба шляпу, он заглядывал издали в сушильную камеру. Приближался к тоннельной печи. Интересовался, какая в ней температура. Корнеев без любопытства ходил следом, не выпуская из вида племянша.

Чуваков ему не нравился. Видел, что тот нервничал, бегал глазами. И все, что потом говорил в комнате с обшарпанными канцелярскими столами, звучало малоубедительно.

По его словам, позавчера днем к нему приехала тетка, рассказала о происшествии в квартире. Племянник посоветовал ей прикинуться ничего не знающей, ничего не ведающей, иначе, дескать, свидетельницей по судам затаскают. Сам звякнул в милицию.

— А как тетка узнала, что сосед убит? — из-за спины спросил Корнеев.

— Очень просто, — обернулся племянш. — Кот ее оттуда начал мяукать. Подумала, Гаврилыч ушел, запер. А ключ он оставлял. Тетя Феня убирала у него за пятерку в месяц. Открыла, глядь, Гаврилыч лежит, голова в крови, холодный уже.

— Где ключ от комнаты? — спросил Томилин.

— Вы научили тетку вымыть пол в комнате соседа? — быстро задал вопрос и Валентин, оставаясь за спиной племянша.

— Ключ забросил, знал, что будете обыск делать. Взял у тети Фени и забросил. А насчет пола так, значит, получилось. Кота, говорит, видно, сосед чем-то обкормил, ну и, как бы это сказать... Расстройство желудка, в общем, вышло. По всей комнате. Она и помыла.

— Чего же вы все-таки опасались? — Корнеев оставался стоять сзади. — И чего продолжаете бояться, Чуваков?

— Того и боялся, что за жабры сразу взяли бы. Я же недавно у тети Фени окна на зиму конопатил. Кто Чуваков для вас? Крапленый. За магазин срок тянул. Условно-досрочник. А я, может, жить только по-настоящему начал. Скоро месяц как за поммастера участка стою, в вечерний техникум собирался поступать. И тут Чувакова опять...

— Тогда в какую смену работали?

— Всю неделю во вторую был, на мне же участок. Днем часто с пацанкой дома сижу. Садик на карантине. Так мы с женой по очереди. Она приходит, я ухожу. Вчера, правда, к тете Фене до работы заскочил. Понял, что она у вас.

Томилин вынул из кармана перчатку.

— Ваша?

Чуваков встал.

— Там оставил, думал, что потерял... Ну и в чем вы меня обвинять собираетесь?

— Берите-берите. Скажите, Анатолий, кого видели в квартире у тетки из посторонних?

— Я, что ли? — С лица парня сошло напряжение. — Посторонних... Гаврилыч, он, конечно, подкеросинить любил... Мужика раз видел. Но не из ханыг. Роста примерно вашего, пощуплее.

— А особы лет тридцати, блондинки, не встречали? — обратился к нему Корнеев.

Чуваков оживился. Показал на себе крупные женские формы.

— Она? Стюардесса.

— По комплекции похожа. Только почему решили, что стюардесса?

— Ну, в ихней синей форме, медные пуговицы. В среду закончил с окном, выхожу от тети Фени...

— Во сколько это было? — перебил Томилин.

— До смены час оставался. Выхожу, значит, а она, эта баба, на цыпочках идет к комнате Гаврилыча. Пальто расстегивает, а под ним форма, как у стюардесс. Что ж я, не разбираюсь.

— На левой щеке родимое пятно. — Корнеев взволнованно искал подтверждения сходства между «стюардессой» и блондинкой.

— Точно! Еще золотой зуб здесь...

По виду помощника Томилин понял, что речь шла об одном и том же человеке. Встреченная сегодня в квартире на Проезжей незнакомка действительно могла иметь отношение к таинственной драме. Мальчишка оказался прав.

— Я, конечно, извиняюсь, товарищ начальник. Как же с тетей Феней, а?

— А что с тетей Феней? Ничего с тетей Феней. Никто ее никуда не забирал. Вернется сегодня домой твоя тетя Феня.

Единственной зацепкой в деле об убийстве на Проезжей осталась некая блондинка, предположительно имеющая отношение к Аэрофлоту.

Возвращаясь из поселка кирпичного завода, Степан Андреевич с Валентином пытались кое-что сопоставить. Чуваков мог ошибиться в определении форменной одежды незнакомки. На бортпроводницу толстуха не походила. По ряду признаков Корнеев, не задумываясь, наделил ее профессией продавца.

— Но он видел синий жакет и желтые металлические пуговицы, — напомнил Томилин. — Нужно поискать среди авиато-

ров. Там ведь масса различных служб. Диспетчерская пассажирских и грузовых перевозок, справочная.

— На диспетчера не похожа. Для дежурной по регистрации слишком много золота. Серьги, толстое обручальное кольцо...

— А если билетный кассир? Вот тебе, кажется, и продавец, и золото, и медные пуговицы. Саша, в аэропорт!

Через полчаса они под гул самолетов выясняли, где можно найти начальника аэропорта. По радио объявляли о начинающейся посадке, задержке какого-то рейса. Справочное пустоvalo. Дежурная по транзиту на ходу бросила: «Обед».

Пришлось предъявить удостоверение. Отыскался начальник. Нет, в аэропорту описанная женщина не работала. Нужно узнать в горагентстве. Вообще без фамилии даже трудно представить...

У закрытого городского агентства Аэрофлота толпился народ. Было решено, что Корнеев останется ждать конца обеденного перерыва, Степан Андреевич же брался отвезти из больницы домой старушку, а заодно еще поговорить с ней и соседями.

После открытия агентства Валентин прошелся мимо касс. Дождался, когда освободилось одно окошко.

— Случайно не подскажете? Где-то тут сидела молодая женщина, волосы белые, зуб золотой, симпатичная такая.

— У нас все симпатичные,— ответила кассирша, откусывая от шоколадной конфеты.— Билет, что ли, куда обежала?

— Да нет, личный вопрос. Родинка вот тут на щеке.

— Выходная сегодня. Тоже мне, личный вопрос!

— Как ее фамилия, не подскажете?

— Еще чего! Жалобу писать?

— Что вы, девушка! — воскликнул Корнеев, не в силах сдерживать радость.— Уж вам бы я написал во какую благодарности. И вообще Аэрофлот — это здорово. Быстро, выгодно и удобно!

Его поведение, наверное, оставило странное впечатление. От ликования Валентин готов был дурачиться. Он прошел в служебное помещение и вот там, на стене, среди фотографий лучших работников сразу увидел памятное лицо светловолосой женщины с родимым пятном на левой щеке.

«Ст. кассир Шмакова Раиса Ивановна».

Спустя несколько минут, получив домашний адрес таинственной блондинки, Валентин позвонил из автомата в управление. Шеф еще не вернулся. Корнеев принял решение: разыскать кассиршу.

Шмакова жила в доме без лифта. Стертые ступени узкой лестницы, исцарапанные надписями стены, стойкий кошачий запах. Поднимаясь с этажа на этаж, Валентин наконец отыскал нужную квартиру и, пораженный, остановился.

Перед ним была дверь со знакомой темно-зеленой обивкой.

Корнеев недоверчиво потрогал редкостного цвета дерматин. Связь кассирши с убитым становилась прямо-таки осязаемой.

Выждав, когда по лестнице сбежит мальчуган с мячом, Валентин надавил кнопку звонка.

Из квартиры донесся мелодичный перезвон. Послышался приближающийся женский голос. Корнеев сразу узнал его и заранее улыбнулся предстоящей встрече. Голос был недовольный. Валентин поставил ногу так, чтобы она вошла в щель открывшейся двери.

Все произошло, как он ожидал. Дверь открылась только на длину запорной цепочки. Кассирша оторопела. Корнеев, наслаждаясь произведенным эффектом, произнес приготовленную фразу:

— А вот и я, Раиса Ивановна. Извините, немного задержался. Служба... Ну-ну, не нажимайте, мне же больно.

— Что вам от меня нужно?

— Вот это уже деловой разговор. Хотя, признаться, я рассчитывал на более теплый прием. Неужели забыли про оставленную сумочку? Не беспокойтесь, все в целости и сохранности. И потом, не мешало бы продолжить наш прерванный на самом интересном месте разговор... Не старайтесь, ногу я не уберу. Ну что, Раиса Ивановна, пора переходить к официальной части?

— Подождите внизу, сейчас выйду.

— За все мой-то хлопоты! Может, пригласите зайти, а? Неудобно, старые ведь знакомые.

Помедлив, Шмакова сняла запорную цепочку, приложила палец к губам.

— Муж ничего не знает о сегодняшнем. Я все потом расскажу... — прошептала она и громко добавила: — Проходите, не разувайтесь, у нас такой беспорядок!

— Ко мне, Рая? — спросил приглушенный мужской голос.

— Нет-нет, это пилот из Риги. Я обещала кое-что с ним передать.

Корнеев укоризненно покачал головой.

— Впутаете вы все же меня, Раиса Ивановна, в какую-нибудь сомнительную историю. Зато теперь я на правах своего

человека могу осмотреть ваше гнездышко. Врожденная, понимаете ли, любознательность.

Не дожидаясь разрешения хозяйки, Валентин заглянул в комнату, откуда говорил муж Шмаковой.

Увешанные коврами стены, обилие лака, хрустала. Полноватый мужчина в коротком белом халате отделял расческой прядь волос сидевшей под белой накидкой перед трюмо дамы. Корнеев кивком поздоровался.

— Перманент на дому? — Обвел комнату взглядом. — Мило, очень мило. Почти как у нас в Риге.

Заглянув в другую комнату, обставленную не менее роскошно, Валентин удивленно заметил:

— Да здесь просто антикварный магазин. Интересуетесь стариной?

— Муж приобретает.

Шмакова надела пальто. Из комнаты появился муж. Подозрительно осмотрел Валентина.

— Ты не хотела бы сказать, куда и надолго?

— Во всяком случае, в Ригу она не улетит, это я вам гарантирую, — приветливо улыбнулся Корнеев. — Рад был встретиться.

Он вышел на лестницу, позволив Шмаковым пошептаться наедине. Кассирша определенно в чем-то водила мужа за нос. Это еще больше насторожило Валентина.

На двери Савоськина и здесь одинаковый обивочный материал, используемый для обтяжки кресел. Материал краденый. И кража скорее всего не первая. А что, если Савоськина убрали по каким-то соображениям соучастники хищений?

Заценка для версии выглядела ненадежной, тем не менее Корнеева воодушевляло сделанное им открытие. Когда наконец появилась кассирша, он с наигранным безразличием поинтересовался:

— Давно обивочку делали, Раиса Ивановна? Может, адресок дадите? Себе бы заказал.

— Спрашивайте уж прямо, — устало ответила Шмакова, спускаясь впереди по лестнице. — Вас же интересует, кто обивал.

— Допустим.

— Ну, отец обивал. К нему сегодня приходила. Что вы еще от меня хотите?

— Савоськин ваш отец? — Валентин даже приостановился. — И вы знаете о его?.. Для чего же тогда врал, хотели скрыться? Молчите? Хорошо, поставим вопрос иначе. Почему скрываете от мужа, что были у отца?

— Да потому, что он все может сделать! Вы не представляете этого человека. Из-за меня может достаться отцу. Не могу я больше так жить, не могу!

— У мужа с вашим отцом были счеты?

— После того, как я подала на развод, он во всем виноватым считает отца. Показывал ножницы, которыми обещался его зарезать. Такой на любое способен... Куда мы идем?

— За оставленной вами сумочкой, разумеется.

В управлении Валентин, проходя по коридору, указал Шмаковой на ряд стульев у стены.

— Придется немного подождать.

— Не бойтесь, что уйду?

— Увы, уйти отсюда без предъявления удостоверения постовому не могу даже я.

При известии о задержании блондинки Томилин не выказал никаких эмоций, и это задело Валентина. С тем большим удовольствием он, рассказав про городское агентство, дверную обивку, обслуживающего на дому клиенток парикмахера, выложил главное: Шмакова — дочь убитого.

Степан Андреевич поднял тяжелые веки. Кажется, старик ничем не поживился на Проезжей, и при последнем сообщении Томилин забарабанил по столу толстыми пальцами. Выслушав про угрозу парикмахера тестю, с заметным усилием поднялся, пошел к окну.

— Денек-то какой, а! Иногда хочется, голубчик, верить в какую-то дополнительную жизнь там... Уж очень быстро проскакивает эта, здешняя. Как в поезде, не успеваешь многого разглядеть из окна вагона. М-да. Значит, так: надо установить, где был позавчера вечером этот парикмахер. Далее. Важно узнать круг знакомых, особенно из разряда телефонных. Срочно навести справки о возможной в прошлом судимости парикмахера. Ну что ж, приглашайте свою подопечную.

В отличие от молодого пожилой работник милиции оказался немногословным, суровым. Он официальным тоном попросил собеседницу назвать фамилии брачную, девичью, имя и отчество, год рождения. Допрашивавший громко сопел.

Шмакова, она же до замужества Савоськина, сбивчиво принялась рассказывать о своей жизни. Отец всегда пил. Когда умерла мать, оставила школу, поступила ученицей в парикмахерскую при бане. Вышла замуж за Шмакова. Устроилась кассиром в кассу Аэрофлота.

Томилин слушал с дремлющим видом. Иногда проводил ладонью по лицу, словно хотел зевнуть, и задавал какой-нибудь вопрос.

Его интересовали отношения Шмаковой с мужем, воспитание семилетнего сына, материальный доход супругов, как часто она виделась с отцом.

Отвечала Шмакова путано. Причину развода объяснить не смогла. Сын большей частью находился у свекрови. Официальный заработок Шмаковых выглядел несущественным. Но оба имели хорошие «чаевые». Что же касается отца кассирши, то он время от времени навещался к дочери.

Да, отец действительно обил им входную дверь. Нет, бесплатно. Почему? Наверное, одному жилось скучно, вот и старался навязаться с чем-нибудь. А вообще страдает запоями, опустился, испортил ей жизнь.

— Несмотря на это, вы довольно регулярно, втайне от мужа, проводывали его. Имели от квартиры и комнаты отца ключи. Ездили туда, безусловно, не без интереса для себя. Какого?

— Н-ну, все-таки отец.

— С кем вы встречались там в его отсутствие? Нетрудно догадаться, что сухое вино, легкая закуска предназначались не для спившегося человека. Тем более которого вы откровенно презирали, если не сказать, ненавидели.

Шмакова молчала.

— Вам было известно об имевшихся у отца деньгах?

— Мне? Да. Он говорил, что у него есть на книжке.

— Позавчера вы приезжали к нему за деньгами?

— Н-нет. То есть у нас был разговор... Но откуда вы взяли, что мне нужны деньги?

— Нужны, Раиса Ивановна, нужны. Сразу крупная сумма. И о ней не должен был знать муж, вот в чем дело.

— С чего такое придумали?

— С того, что деньги в вашей семье водятся, и немалые. Но вам они понадобились лично. Для чего или кого, если не секрет? Не хотите отвечать. А придется. Короче, с кем у вас была назначена сегодня встреча на квартире отца?

— Вот честное слово...

— Ваш отец, Раиса Ивановна, убит.

Томилин наблюдал за женщиной. Похоже, для нее сообщение явилось неожиданностью. Шмакова не изобразила ни охватившего ее ужаса, ни готовности прослезиться. Она просто недоверчиво смотрела, а главное, не пыталась больше скрывать испуга.

— К сожалению, вам придется здесь задержаться. Хотели бы сообщить что-нибудь домой?

— Нет! Не нужно. Не нужно ничего сообщать. Вы отпусти-те меня, если я скажу... Ну, с кем встречалась у отца?..

Около года назад двадцативосьмилетний инженер Алексей Кулешов брал билет на самолет. Мест не было, кассирша обеща-ла помочь, попросила подъехать к закрытию кассы. Потом вместе прошлись. Позже начали встречаться.

— Кулешов тоже имеет семью?

— Да. Но он собирался подавать на развод.

— Значит, у вас на него появились виды. Разумеется, отец знал о вашей связи и содействовал ей, хотя бы уже из-за не-доброжелательного отношения к себе заты. Иначе говоря, воз-никла возможность его сменить. Отец становится тайным союз-ником. Об этом догадывается или знает муж. Ситуация пре-дельно осложняется...

Кассирша безмолвно смотрела на Томилина. Дальше она покорно отвечала на все вопросы.

С Кулешовым у нее складывалось очень серьезно. Встре-чались у отца, со временем планировали приобрести коопе-ративную квартиру, оформить брак. С деньгами обещал помочь отец. Поверила в это, лишь когда тот однажды показал сбере-гательную книжку.

— Кулешов тоже ее видел?

— Да. Алексей сказал, что для первого взноса все равно мало.

— И сколько не хватало?

— Точно не знаю. У отца было триста рублей.

— Когда он показывал сберегательную книжку?

— Летом... Да, в июне.

Томилини встал, подошел к окну. Шмакова с надеждой смот-рела на его округлую от сутулости спину.

— Скажите, сколько отец собирался передать вам позавче-ра? Ведь он позавчера обещал вам отдать деньги, не так ли? Шмакова кивнула.

— Он только сказал, что теперь денег на первый взнос хва-тит. Но поставил условие, чтобы мы взяли его жить к себе.

— А вы не согласились.

— Но он же пьет!.. Пил. Он исковеркал мне жизнь. В об-щем, мы попросили у него займы. Тогда он сказал, что возь-мет с нас проценты. Вот ни капелечки его не жалко, думайте обо мне что хотите!

— Вы согласились на его условие?

— Нет, старались уговорить, да пришел какой-то мужчина.

Мы уехали, наметили встретиться там сегодня перед Алешиным отъездом в командировку. Ну и вот...

— Что это был за мужчина?

— С собачкой. Остальное не помню. Кажется, пожилой. Мы сразу ушли.

— Опишите хоть собаку. На поводке, без поводка, белая, черная, большая?

— Да нет. Я же говорю, совсем маленькая, на руках он ее держал. Шерсть, знаете, такая длинная, глаз не видно... Как же такое могло случиться! Не верится даже.

Томилин, сопя, писал протокол. Задавал еще вопросы. Шмакова, явно потрясенная известием, подписала листы, взяла бумажку пропуска.

— Можете пока быть свободны. Этот листочек отдадите милиционеру у выхода.

— Вы будете вызывать и мужа?

— Посмотрим, Раиса Ивановна, посмотрим. Всех благ.

Кулешова в городе уже не оказалось. По словам домашних, он несколько часов назад уехал в командировку. Навести достоверные справки в его проектно институт мешала суббота.

— Ну что ж, голубчик,— одеваясь, сказал молодому коллеге Томилин,— пора и честь знать. Дела никогда не перделаешь.

— Степан Андреевич, может, на чашечку чая зашли бы, а?

— Э, нет! Чашечкой чая от меня не отбоярисься. Жду, когда позовешь на новоселье... Беспокоит меня другое. Что, если это Кулешов? Очень уж меня смутил гражданин с собачкой. Не тот круг знакомых должен быть у Савоськина. Да и был ли вообще гражданин, была ли собачка?

6

Томилин невольно пожалел о том, что не принял приглашение коллеги. В субботний вечер действительно деться было некуда. Зоомагазин уже закрывался, когда Степан Андреевич подъехал к нему. Потолкался немного в толпе любителей певчих птиц, грызунов, аквариумных рыбок. Ничего примечательного не встретил. Зашел перекусить в молочное кафе, а потом взял да и отправился в шестой микрорайон.

Прошел там по Проезжей, присел на скамье с краю детской площадки. Женщина рядом то и дело окликала маленького мальчика, не позволяла ему подходить к песочнице.

— Ну что вы все запрещаете, — не выдержал Степан Андреевич. — Ребенок же!

— Вот именно, из-за этих собачников негде детям и поиграть. Отвели им за стоянкой машин площадку — нет, выводят своих собак, отпускают, те, конечно, сразу к песку...

Томилин нашел общественную автостоянку. За ней, на пустыре, слышался разноголосый лай. Степан Андреевич плохо разбирался в собаках. Увидав черного, рослого, с короткой блестящей шерстью пса, спросил у его хозяина, какая это порода.

— Доберман-пинчер.

— Кра-асавец. Как зовут?

— Бим. — Хозяин пса осмотрел собеседника. — А вы что ж, щеночком интересуетесь? Есть хорошей родословной. Можно кобелька. Из декоративных могу устроить мальтийскую болонку, карликового шпица.

— Я, признаться, не знаток. Любопытно, как называются маленькие, шерсть на глаза свисает.

— А, это из породы терьеров. К сожалению, ничем помочь не могу. — Хозяин доберман-пинчера сразу утратил к разговору интерес и отошел.

Томилин заметил человека с собачкой на руках. Длинношерстная, белая, в темных пятнах.

— У вас не терьер? — уже с некоторым знанием дела обратился к нему Степан Андреевич.

— О нет, у нас японский хин! Да! Да. Мы боимся запачкать лапки, нам не хочется сходить с ручек.

К ним тотчас подошла сухая дама с быстро перебирающей тонкими лапками собачонкой на поводке и обратилась к Томилину.

— Вы женить или выдавать замуж?

— Извините, не понял.

— Я спрашиваю, у вас кавалер или барышня? У моего Рема в роду было двое медалистов. Лучшего жениха вам не найти...

Мир собаководов оказался не менее впечатляющим, чем мир любителей аквариумных рыбок. Но Томилина интересовал длинношерстный терьер. Вскоре он выяснил, что собака такой породы есть в восемнадцатом доме. Именно небольшая, с нависающей на глаза шерстью.

Смеркалось. В окнах появлялся свет. Время для поисков становилось во всех отношениях неудобным. Впрочем, Томилин быстро нашел нужный дом. Он стоял прямо напротив того, где жил Савоськин.

Степану Андреевичу понадобилось спросить нескольких жильцов. На седьмом этаже ему открыл пожилой мужчина в очках с желтой металлической оправой и обернутой шарфом шей. Сейчас же залилась звонким лаем собака.

— Тысячу извинений.

— Прошу-прошу. Мика, уймись же ты наконец. Ах, как нехорошо это с твоей стороны, как нехорошо.

Гость снял шляпу, представился:

— Томилин Степан Андреевич. Рекомендовали обратиться к вам.

— Крутов Сергей Тимофеевич. Весьма польщен. Не откажите пройти в комнату.

— Видите ли, Сергей Тимофеевич, мне нужно переговорить с вами об одном деликатном деле, где фигурирует собака-терьер.

— Скайтерьер! — поднял указательный палец Крутов. — Скайтерьер. Шотландский терьер с острова Скай, прошу заметить. Древнейшая порода. Когда-то разводилась для охоты на барсуков, лис... Прошу присесть. Одну секундочку.

Степан Андреевич в ожидании хозяина осмотрелся. По некоторым признакам догадался, что тот живет один. Томилина заинтересовал быт собрата-холостяка, но здесь его внимание привлек довольно необычный предмет. У книжного шкафа стояла тренога с весьма большой подзорной трубой.

Из окна открывался вид на дом Савоськина. Степан Андреевич нашел знакомый подъезд, отыскал на третьем этаже окно сто седьмой квартиры. Свет был только в комнате старухи. Томилина захотелось посмотреть на дом через подзорную трубу. Он дождался возвращения хозяина с собачкой на руках.

— Астрономией увлекаетесь, Сергей Тимофеевич? Небесные тела изучаете?

— В известной степени, да. Как сейчас говорят, маленькое хобби при маленькой пенсии.

— Позвольте взглянуть.

— Сделайте одолжение.

Кратность трубы, видимо, была изрядная. Первое же освещенное окно дома напротив, попавшее в поле зрения, поразило неожиданной близостью. Буквально на расстоянии нескольких метров двигались люди, явственно различался узор обоев, изображение картины на стене, посуда за стеклом буфета.

Степан Андреевич сдвинул трубу и увидел переодевающуюся женщину. Дальше: сидящая за столом семья. Еще дальше: освещенное настольной лампой сосредоточенное юношеское лицо.

Томилин нашел окно старухи, навел на него трубу.

Фекла Матвеевна, понурившись, неподвижно сидела на стуле. О чем-то пригорюнилась, а может, дремала. Рядом темное окно Савоськина тускло отражало свет уличных фонарей.

Степан Андреевич взглянул на Крутова.

— Итак, надо полагать, вы основательно изучили жильцов из дома напротив.

— Лишь в пределах видимости.

— Посмотрите вон в то окно на третьем этаже, где сидит старуха. Что вы можете о ней сказать?

Не спуская собачонки с рук, Крутов привычно навел трубу и принялся рассказывать. Все соответствовало уже имевшимся о Рябовой сведениям: почти всегда дома; иногда появляется некто, похожий на сына.

— А про комнату рядом?

— Кто вас интересует? Там бывают разные люди.

— Зачем вы позавчера ходили туда?

— О, как вы узнали? Хорошо, скажу. Вздумалось заказать книжные полки. Я видел, как жилец той комнаты делал шкаф, а у меня есть второе хобби — собираю старые журналы. Многие теперь сдают макулатуру...

— Вы уверены, что жилец делал шкаф? — недоверчиво спросил Томилин.

— Видел своими глазами! Сам сделал, сам покрыл лаком. Столяр — золотые руки.

— Что вам еще приходилось там видеть?

— Откровенно? Многое, очень многое. Между нами говоря, сцены, достойные пера бессмертного Боккаччо. Я имею в виду одну пару, которая иногда появляется в той комнате. Она — поистине Афродита, он — этакий Аполлон. Правда, происходило все днем, но я ведь не слепой...

— Кого вы еще видели там?

— Соседку. Время от времени она убирает комнату. Затем, дай бог памяти, полноватого мужчину с лысиной. Так. Молодого человека спортивного склада. Приезжавших тогда же на легковой машине еще троих с чемоданом. Ну и вас. Вы долго оставались в комнате. Если память не изменяет, лежали на раскладушке.

— А вы, оказывается, зря времени здесь не теряете.

— В меру своих скромных сил, не более того. Да, запомнил было. Видел там еще участкового инспектора, товари-

ща Глазова. Когда накрытое тело выносили на носилках, я считал нужным в письменном виде...

— Благодарю вас. Приношу извинения за беспокойство.

— Я тоже ломал голову над тем ужасным событием. Хотя, между нами говоря, столяр был изрядным хамом. Когда мы пришли с Мики и я заговорил о полках, он встретил нас нецензурной бранью. Кстати, входя к нему, мы встретили ту самую пару. Еще у подъезда стояла большая крытая машина, когда мы возвращались. А позже, я хорошо помню, в комнате столяра так и не включался свет.

— Еще раз благодарю.

— Сожалею, что существенно ничем не мог помочь.

Крутов сделал движение подать на прощание руку, но гость не проявил к рукопожатию никакой готовности.

От соглядатая-любителя Степан Андреевич направился в дом напротив.

С Рябовой он завел разговор о том, не видела ли и не слышала ли та, чтобы сосед по вечерам столярничал за стеной, не выметал ли стружек, опилок. Нет, старуха ничего такого не слыхала и не видала.

— А как, собственно, появился у Савоськина шкаф?

— Так и появился. Ключа не оставлял. Говорю, давай у комнате приберу, молчит. После оставил. Вхожу днем, а там этот шкаф. Ажно испугалась. Страшный оказался.

— Чем же страшный, Фекла Матвеевна?

— Да кто ж знает. Бывалоче, прибираю, а в нем, как в черном зеркале. Поскорей закончу да оттеда.

Старуха и теперь с заметной робостью вошла следом за Степаном Андреевичем в комнату Савоськина. Среди пустоты шкаф действительно производил впечатление какого-то загадочного монстра. Пока Томилин открывал дверцы, осматривал внутренность, Фекла Матвеевна стояла у порога.

— Царство ему небесное. Фулюганил, безобразничал, дак мужики, оне все такие. Говорил, иди за меня, гардероп уже есть. Помру, продашь...

— Да, жених он был завидный. А главное, кажется, изобретательный. Только непонятно, зачем ему понадобился такой огромный шкаф?

— Да кто ж знает. Пил дюже. Пьяный, небось, зашел у магазин и купил. Чего им, мужикам, долго ли...

— Пойдите, но вы ведь говорили, что шкаф не привозили, в квартиру не вносили.

— На уши я тугая. Стало быть, привозили, вносили. Сквозь окошко ж его не протаскивали, милый.

— М-да.— Томилин почесал мизинцем бровь.

— Денег вон куча какая была. Тут чего хочешь покупай. Без усяких кредитов. Вот и кушил. Сам себе барин.

Степан Андреевич снял шляпу, плащ, положил их на раскладушку. Присел у боковой стенки шкафа, взялся снизу и поднатужился. Старуха заспешила ему на помощь. Оба с усилием и пронзительным скрежетом по полу отодвинули край шкафа от стены.

С сипением дыша, Томилин отряхнул руки и присел на раскладушку.

— Тяжелый... чертяка.

— Чижеый, — подтвердила старуха. — Как же-то ево по лестнице тащили?

Отдышавшись, Степан Андреевич втиснулся между отодвинутым краем шкафа и стеной. Старуха тоже заглянула, но не поняла, что там делал человек из милиции.

А Томилин выбрался обратно, отряхнулся от пыли и снова сел на раскладушку. Теперь-то он не сомневался, что вся разгадка происшедшей трагедии кроется в этом темном, зеркально полированном шкафу.

7

В воскресенье с утра Корнеев начал готовить вещи к переезду на новую квартиру. Основное имущество молодых супругов составляли книги. Теперь они загромождали все вокруг. Поэтому, когда неожиданно пришел старший коллега Валентина, его не на что было посадить.

Поздоровавшись, Томилин взял первую попавшуюся книгу, читая, совсем по-стариковски отвел руку.

— Кудрявцев. «Причинность в криминологии». Вон аж куда копаешь. Нет-нет, я на минутку! Будь у тебя телефон, не потащился бы. Словом, я вчера на Проезжей открыл случайно любопытнейшую штуку.

— Призналась-таки старуха! — догадливо воскликнул Корнеев.

— Э-э. Материал прямо для твоей социальной психологии. Ну ты мне пока вот что скажи. Обстановку у Шмаковых помнишь?

— Постараюсь вспомнить.

— Постарайся, голубчик, постарайся.

— Значит, так, подождите. В первой комнате: трюмо, софа, обтянутые шелком пуфики. Вроде четыре. Телевизор на ножках, платяной шкаф...

— Стоп. Что он из себя представляет?

— Как что? Обычный платяной шкаф. Побольше вот нашего, темный, блестящий...— Корнеев смолк и повернулся к Степану Андреевичу.— Пожалуй, точно такой же, как на Проезжей. Да, но какая связь?

— В том-то и дело, что никакой связи еще не видно. А может, и вообще не существует. Есть, правда, одна любопытная деталька... Шкаф свой давно покупал?

— Лена, мы когда его покупали? — еще не понимая, что интересуется Томилина, спросил жену Валентин и принялся помогать отодвигать от стены шкаф.

Мешали стопы сложенных на полу книг, домашний скарб. Все это начали переставлять, перетаскивать. Наконец шкаф сдвинули с места, по указанию Томилина развернули. Степан Андреевич надел очки.

— Иди-ка сюда,— подозвал он Корнеева.— Смотри. Штамп отдела технического контроля, фирменный бланк, артикул, цена.

— Естественно, все атрибуты, Степан Андреевич,— пожал плечами Корнеев.

— Так вот, ни одного из этих атрибутов на шкафе Савоськина нет. Ни артикула, ни фирменного бланка, ни цены.

— Но такого не может быть...— Лицо Корнеева вдруг просветлело.— Степан Андреевич! Но это ведь может быть ключом ко всему!

— Подождите с ключом,— перешел на «вы» Томилин.— Тут уж вступает в действие ваша социальная психология. Шкаф, безусловно, левый. Надо полагать, одной категории с обивочным дерматином на дверях Савоськина и Шмаковых. Заметьте, отец обивает дверь квартиры дочери безвозмездно. Побуждение к этому — вопрос личный. Для нас важен факт. Савоськин делал подарок из похищенного на комбинате.

— Но одно — стащить несколько метров дерматина, другое — шкаф.

— Вот-вот, товарищи теоретики-криминалисты! — Томилин потер руки.— Кстати, как думаешь свой-то перевозить?

— Уже прикидывал. Меньше чем троим не управиться.

— У жизни надо учиться, голубчик, у жизни. Савоськин, тот, брат, управлялся один. Да еще, кажется, как управлялся. Этот шкафчик разбирается по частям. Почти детский конструктор

тор. Главное, не затерять шурупы, болты, иначе снова не соберешь. Впрочем, покойник оставил у себя достаточно такого добра... Ну, а засим разрешите откланяться.

— Вы сейчас к Шмаковой, Степан Андреевич?

— К ней. К ней, голубушке. Но вы мне в выходной день абсолютно не потребуетесь. Беритесь-ка за разборку шкафа. А то, я смотрю, празднование новоселья безнадежно затягивается.

Валентин догнал Томила на улице. Степан Андреевич, похоже, искренне рассердился.

— Уж не думаете ли, что я не могу обойтись без вашей помощи, черт побери! Возвращайтесь-ка немедленно домой.

— Разрешите не подчиниться, Степан Андреевич. Ну, шутки в сторону. Одному идти к Шмаковым вам не стоит. Тем более сегодня. Выходной день, частный визит. Не нравится мне этот дамский парикмахер.

— Меньше нужно смотреть по телевизору детективных фильмов, не то по ночам скоро будешь вскрикивать.

— Я о другом, Степан Андреевич. Ведь не зря кассирша боится, что муж узнает о ее встречах с отцом.

— Не с отцом, с любовником. Элементарная женская осторожность в таких делах.

— А что, если это все же Шмаков старика? Скажем, выследил жену, понял причастность отца к обману.

— Теоретически да. Практически вряд ли. Тут, по-моему, все гораздо серьезней, голубчик. Может, присядем?

Томилин направился к скамейке небольшого сквера. Валентин подождал, когда он с кряхтеньем сел, и опустился рядом.

— Я, голубчик, в отличие от тебя даже предположительно не могу никого пока заподозрить в убийстве. Знаю определенно одно: расследуем мы не просто преступление. Перед нами жизненная драма.

— Преступление, Степан Андреевич, всегда жизненная драма,— мягко возразил Корнеев.

— Не скажи. Чаще всего к преступлению идут закономерено. Как, например, к убийству Савоськина. А вот представь его самого. Подошла старость. К семье дочери приткнуться не светит. Да и дочь-то при внешнем антураже благополучия оказывается на житейском распутье. Старик дает приют ей и любовнику. У него появляется надежда со временем пристроиться. Поэтому, когда возникает необходимость в деньгах для кооперативной квартиры, Савоськин решает раздобыть их. Дело было поставлено широко. В среднем ежемесячно оно давало Савоськину доход в триста рублей. Скорее всего это был не

дерматин, а, скажем, дорогостоящая левая мебель. И так, появились деньги. Савоськин предлагает их дочери с условием поселиться рядом с ней в будущей квартире, но получает отказ. Деньги он, понятно, дочери не отдает. Дальше может быть несколько вариантов: некто знает об имеющейся на руках старика сумме и пытается завладеть ею; не исключается и сведение с Савоськиным личных счетов. Допустим, того же дамского парикмахера. А разве не могла произойти ссора между собутыльниками? Старик готовился выпить, налил в стакан. От Рябовой он не стал бы прятать вино. Он не хотел с кем-то делиться. Ждал, когда этот некто уйдет.

— И все-таки, Степан Андреевич, позвольте с вами не согласиться.

Корнеев обстоятельно принялся разбирать причины, сделавшие старика одиноким, а его дочь несчастной в личной жизни обывательницей. В его рассуждениях все было убедительным. И Томилин невольно подумал о собственной бывшей семье, сыне, теперешнем одиночестве.

Он прервал помощника и без всякой связи с темой разговора сказал:

— Вот что, голубчик, ступайте-ка вы все же домой. Когда-нибудь я, может, расскажу вам невеселую историю, чтобы вы не повторяли из нее ошибок. А сейчас идите.— Степан Андреевич, зажмурившись, кивнул.

Он сидел на скамейке до тех пор, пока Корнеев не скрылся из виду. Потом встал и направился к троллейбусной остановке.

На звонок долго не открывали, но Томилин заметил, как слегка подалась обитая темно-зеленым дерматином дверь — так бьется при внезапном сквозняке.

Наконец после настойчивых звонков дверь открыл полный, с взлохмаченными вокруг лысины волосами мужчина в коротком, спешно надетом белом халате.

— Приношу извинения. Вы Шмаков? Я Томилин, из милиции. Могу я вас побеспокоить? Благодарю.

— Если вы к жене, то она сегодня работает.— Шмаков рукой с золотыми кольцами пригладил голову.— А я, видите ли, дамский мастер.

Он пригласил Томилину в комнату, где оказалась до крайности смущенная девушка.

— Это моя модель,— указал на нее Шмаков и обвел рукой комнату.— Моя, так сказать, творческая лаборатория. А от

вас, кажется, уже были здесь? Чем-нибудь привлекла внимание вашего ведомства жена?

— Нет, внимание нашего ведомства привлек всего-навсего лишь этот платяной шкаф.

— Ах вот оно что!.. Милочка, пойдй, пожалуйста, свари нам кофе.

Дождавшись, пока за девушкой не закрылась дверь, Шмаков царственно пригласил гостя сесть.

— Не угодно ли раздеться?

— Спасибо, — присаживаясь, ответил Томилин. — Так я вас слушаю.

— Собственно, об этом шкафе пусть вам расскажет жена, я, как говорится, умываю руки. — Шмаков хрустнул суставами пальцев и, отбросив, как фалды фрака, полу халата, тоже сел. — Я, видите ли, в известном смысле художник.

— Виноват. Не стану занимать ваше творческое время. Итак, шкаф. Когда и где вы его купили?

— Собственно, мы его не покупали. Нам его преподнесли, так сказать, в презент. Должен сразу поставить все точки над «i». Я лично к этой афере не имею ни малейшего отношения. Видите ли, судьба меня наградила тестем... Так, кажется, называется отец жены? Между нами говоря, фрукт еще тот.

И Шмаков, явно входя в приятную для себя роль непридуманного говоруна, принял рассказывать о появлении у них полированного шкафа. Шкаф якобы в разобранном виде привез тесть с каким-то человеком. Потом дня два орудовал красками, лаком, провонял ими всю квартиру.

— Опишите напарника вашего тестя.

— Боже, ну какая-то серая личность! Меня эта публика, признаюсь, не интересует.

— И все-таки припомните что-нибудь связанное с этим напарником. Внешнюю примету, деталь одежды, манеру держать ся. Вы ведь художник.

— Да-да, конечно. Серая личность, серая личность... Волос длинный, светлый. Кожаная куртка. Ключ на цепочке все время вокруг пальца вертел. Да вот свистел. Хам, в общем.

— Когда вы последний раз были у тестя?

— Я?! Ну посмотрите на меня и скажите, что у нас с ним может быть общего? Не бывал и, надеюсь, не придется бывать. Меня знает высшее городское общество, я вхож, между нами говоря, в такие места, что вы не поверите...

— Где вы были в четверг после семи вечера?

— То есть как где был? В четверг, говорите? А какое это, собственно, имеет значение, не понимаю. В конце концов это

мое личное дело. Почему вы на меня так смотрите? Что все это значит? У вас есть санкция на допрос? И вообще по какому праву вы нарушаете неприкосновенность моего жилища? Я знаю законы и не позволю попирать их.

Томилин с усилием встал, поклонился и молча вышел.

На улице он наметанным глазом сразу увидел возле газетной витрины Корнеева. Степан Андреевич не стал подходить к нему и, сложив за спиной руки, неторопливо направился к троллейбусной остановке.

8

В понедельник утром Томилин хмуро встретил молодого коллегу словами:

— Сообщили, следователя из прокуратуры подошлют во второй половине дня. Сейчас едем на мебельный комбинат.

У Степана Андреевича был не очень здоровый вид, мешки под глазами. Корнеев, чувствующий себя после выходного свежим, бодрым, не стал ни о чем расспрашивать.

В машине он сказал, что завтра устраивает новоселье, пригласил Томила. Тот кивнул.

— Как со шкафом, управился?

— Здорово, знаете. Разобрал без посторонней помощи, перевезли, и сразу собрал.

На территории комбината, проходя мимо составленной под навесом приготовленной к отправке мебели, Томилин заметно оживился.

— Вот они, родимые. Это ж надо, столько шкафов.

— И все полированные, — в тон ему добавил Корнеев.

— Не все, голубчик, в том-то и дело, что не все. Вместе с этими отсюда ухостили и другие. Как, еще не знаю. Полировали их где-то в другом месте.

— Пойдите, Степан Андреевич! Тут ведь все очень просто. На чем, думаете, мне вчера удалось перевезти вещи? На легковом такси. За одну езду. Взял «Волгу» типа «универсал», в заднее отделение уложил стенки шкафа, а поверх них все остальное. Разве не могли по такому принципу вывезти с комбината?

— В этом что-то есть, голубчик. Что-то, пожалуй, есть. Но начнем для верности наматывать ниточку обратно на клубок. Сейчас объясню. Попробуем исходить из того, что шкафы похищались не только для мебелировки апартаментов Савоськина и Шмаковых. Это излишки. Основная продукция «фирмы»

определенно шла на реализацию. И сбывались шкафы, конечно, не кустарно, с рук, а, надо полагать, под официальной маркой в мебельных магазинах. Только так. Фирма должна быть фирмой.

— Выходит, поработали и на ОБХСС. Не отозвать ли из командировки Кулешова, как думаете, Степан Андреевич?

— Думаю, искать нужно подпольный цех, где шкафы собираются и отделяются. Сейчас по документации уточняем торговые точки. Едете туда. Тщательно ворошите в ящиках письменных столов, сейфах и прочих местах, где могут находиться штамп комбинатского ОТК, бланки артикулов.

— А вы?

— А я кой-что посмотрю здесь. Чем черт не шутит, авось, и напоследок нюх-то не подведет.

— Почему напоследок?

— Видишь ли, голубчик. Каждому овощу свое время. Я ведь из тех замшелых юристов, что больше полагаются на это, — Томилин коснулся левой стороны груди, — чем на современные методы расследования с использованием, как принято нынче выражаться, новейших научных средств. Словом, огурчик хорош, пока свеж да зелен. А мне уже пора на засолку.

— Перестаньте, Степан Андреевич. Вы отличный специалист, вас ценят в управлении. И потом, если честно, новейшие достижения, на мой взгляд, все-таки превращают криминалистику в точную науку. А она должна оставаться искусством. Искусством проникновения в судьбы людей, их души. Я многое понял, Степан Андреевич, благодаря вам.

— Ну, батенька, перехлестнул, перехлестнул. Ладно, делу время — потехе час.

На комбинате по-прежнему ничего не могли ответить об отсутствующем грузчике. Заведующий складом готовой продукции высказал предположение о возможном прогуле Савоськина.

— Вот в одиннадцать откроются винные отделы. Может, подлечится, после обеда придет.

— Кто же его заменяет на погрузке?

— Обкручиваются. У них бригада сработанная. Иной раз, смотришь, и шофер вместо кого-нибудь катает тележку. Умеют ребята вкалывать, чего там говорить!

По накладным, путевым листам установили, что автофургон 19—53 с прикрепленными грузчиками Ляпуновым и Савоськиным отвозил шкафы в большой мебельный магазин № 2. Туда и отправился Корнеев.

Степан Андреевич же, сложив за спиной руки, пошел взглянуть на комбинат. Посмотрел, как выгружают привезенные с фабрики-изготовительницы детали секционной мебели, как складировуют, доставляют в отделочный цех.

Особенно его заинтересовала сборка шкафов. Специализация довела движения сборщиков до автоматизма. Закрепление стенок, верхнего щита, вставка замков, навеска дверей — все как на конвейере. Дальше: проверка контролером, удостоверяющая изделие лиловым штампиком, наклепка бумажки с датой изготовления, артикулом, ценой. Теперь под шкаф вкатывается тележка на трех обрешиненных колесах. Он отрывается от пола и, слегка наклоненный, неслышно уезжает на упаковку.

В похожем на крытый двор холодном асфальтированном помещении, неподалеку от сложенных штабелями деталей заготовок, блестящие стенки шкафов покрывают толстой бумагой, забирают в защитную деревянную арматуру.

Степан Андреевич попытался открыть один из шкафов, ждущих упаковки, дверца оказалась запертой.

Приземистый человек в сером халате ловко орудовал тележкой. Без видимого усилия он буквально подхватывал на нее упакованный шкаф и, выкрикивая однообразное «поберегись!», катил его к широкому выходу. Потом, не задерживаясь, по проложенному металлическому листу — в кузов крытого автофургона.

Томилин сошел с платформы к грузовику. Светловолосый парень в кожаной куртке протирал стекла кабины.

— Ну и как сервантики, Денисов? Оправдывают себя?

Шофер недоуменно оглянулся на незнакомца. Тот, не раскрывая, показал удостоверение в красной обложке. Денисов старательно вытер руки.

— Понятно. Если интересуетесь сервантами, то не по адресу. Платяные шкафы грузим.

— По адресу, Денисов, по адресу. А сервантами фокусники-иллюзионисты называют всякие хитрые приспособления, куда прячут бумажные цветы, платки, голубей и прочие занимательные вещи.

— Так я ж не иллюзионист, — ухмыльнулся шофер.

— А по-моему, у вас неплохо получалось.

В мебельном магазине № 2 Корнеев для начала прошелся по торговому залу. Шкафов было много. Юноша-продавец с моржовыми белесыми усами нехотя объяснял покупателям:

— ...Вся партия одного цвета. Посмотрите на складе, найдете подходящий — приходите, выпишу чек.

Корнеев направился за покупателями. В сумрачном помещении, тесно уставленном различной мебелью, он тоже принялся заглядывать под бумагу упакованных шкафов, пока не оказался возле ведущей вниз лестницы. Из подвала виднелась полоска света.

Валентин спустился по ступеням и буквально наткнулся на выходящего человека в синем халате и галстук.

— Куда?.. — сердито спросил он и щелкнул выключателем.

Однако Валентин успел заметить в глубине подвального помещения то, от чего у него радостно заколотилось сердце.

— Шкафчик бы мне подобрать, — начал Корнеев. — Чем необычней, тем лучше.

— Все одинаковые, нечего подбирать. Освободите служебное помещение.

— А там у вас вроде светлый шкафчик стоит.

— Сказано, освободи, значит, освободи!

— Я ведь такой шкафчик должен по всем магазинам искать. А вы, случаем, не директор? А то я ведь и его заодно ищу. Сплошная мороза с этими «левыми» шкафами...

Даже среди полумрака было видно, как побелел человек в халате.

— Заместитель я, — сдавленно проговорил он. — По коммерческой части.

— В таком случае позвольте и мне представиться. Лейтенант Корнеев. Правда, я по уголовной части. Ну ничего, найдем общий язык. Показывайте, хвалитесь.

— Может, пригласить Олега Михайловича?.. То есть нашего...

— Успеется.

— Он еще... не знает? — Замдиректора подрагивающими пальцами растегнул под галстук пуговицу.

— Олег Михайлович? Нет, у него все еще впереди.

— Хорошо. — Замдиректора слабо кивнул. — Только мне нужно присесть.

Корнеев включил в подвале свет и указал на дверь.

Здешний запах сразу напомнил Валентину квартиру на Проезжей улице. Пахло политурой. За нагромождением из панцирных кроватных сеток, связанных попарно стульев явственно светлел широкий шкаф.

Корнеев пробрался к нему и здесь обнаружил сложенные стопой несобранные стенки, дверцы еще по крайней мере пяти непокрашенных и неотполированных шкафов. Он присвистнул, а сопровождавший его замдиректора гяжело опустился на диван без подлокотников.

— Скажите, вы некоего Савоськина знавали?

— Да-да, знаю. Всех знаю.

Заместитель директора магазина начал торопиться выдавать недавних компаньонов. Это была единственная для него возможность облегчить собственную участь. Но то, о чем он так предупредительно спешил сообщить, уже относилось к компетенции отдела борьбы с хищением социалистической собственности.

История обещала заполнить собой не один том следственного дела. Да и покойный Савоськин, судя по всему, был лишь винтиком в большом механизме. Хотя, пожалуй, винтиком достаточно важным. По крайней мере смерть Савоськина застопорила здешнее «дело».

Бывший отделочник, он покрывал красителями, полировал тайно вывезенные по частям с комбината шкафы. По признанию испуганного компаньона, делалось все просто, но дерзко.

На фабрике — поставщице деталей и на сборочном комбинате не был налажен их надлежащий учет. А так как разгрузка элементов будущей мебели велась рядом с погрузкой готовой продукции, то появилась возможность легко воровать.

В определенную смену отдельные детали запирались в приготовленные к упаковке шкафы и доставлялись в магазин, а тут уж доводились Савоськиным до кондиции.

«Значит, — размышлял Валентин, — старика убрали не свои».

Из ворот комбината Томилин выехал в кабине, сидя между шофером и грузчиком. Заставить их признаться в причастности к хищению Степану Андреевичу удалось довольно быстро.

Он спросил того и другого, есть ли у них дома платяные шкафы.

Шофер, тот сразу смекнул, почуял в вопросе опасность. А грузчик нагло вато усмехнулся: «Шкафы никому не возбраняется покупать». Тогда Томилин объяснил им разницу между покупными и краденными с комбината шкафами: на последних нет никаких производственных отметок.

Объяснение дошло сразу. Оно ошеломило. И теперь в грузовике по дороге в мебельный магазин Томилин решил приступить к главному.

— Ну что ж, ребятушки, пора открывать карты. Все-то козыри у меня. Не верите? Вот они.

Степан Андреевич достал блокнот, надел очки. Прочитал свидетельство заведующего складом: в четверг грузчик Савоськин под конец рабочего дня сильно поспорил со своим напарником Ляпуновым и шофером Денисовым, отказался ехать в магазин, за что шофер и грузчик вслух пообещали с ним расправиться. Свидетельство вахтера комбината: машина 19—53 вернулась в гараж около девяти вечера.

— И что не менее важно, в четверг вечером ее видели у дома номер пятнадцать по Проезжей улице. Как раз там живет Савоськин. Заходили вы к нему в тот вечер?

— Ну, заходили, — ответил грузчик. — Что из того?

— А то, что именно в это время Савоськин был... убит.

Томилин почувствовал, как напрягся бок грузчика. Шофер же после некоторого молчания сказал:

— Вообще меня в мокрое дело не втягивайте. Я ушел в машину...

— Врешь, гад! Это ты мне сказал, когда уходил: дай ему как следует. Ты! И потом я ж его только ударил. Только ударил.

— Били хоть за что?

Грузчик отрешенно пожал плечами.

— Нам велели уговорить Ивана. Он не хотел больше возиться с этими шкафами, вот мы и... Но я его только ударил, только ударил!

— А дальше?

— Все. Вот не сойти мне с места. Присадила я ему крепко, верно. Упал он. Видать, маленько головой саданулся об нижний угол шкафа. Гляжу, однако, дышит, все в норме. Положил его на койку, очухается, думаю, в обиде не будет... Вот чем угодно поклянусь, только ударил.

Действительно, при дополнительном осмотре на нижнем правом углу шкафа в комнате Савоськина был обнаружен слабый след засохшей крови. Экспертиза установила, что кровь осталась от удара об угол головы хозяина комнаты.

Заключение о нанесении Савоськину телесного повреждения, отчего наступила смерть, было приобщено к следственному материалу по разоблачению шайки расхитителей.

А шкаф, что ж... Слегка уцененный, он попал на распродажу подержанных вещей. И нужно сказать, почти сразу нашел покупателя. Да и не удивительно. Он и в самом деле выглядел по-настоящему импозантным — этот темный полированный шкаф.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

1978 ГОД

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ирина РОДНИНА. Негладкий лед. Цена 25 коп.	№ 1
Алексей РОМАНОВ. Есть в жизни цель. Литературные портреты. Цена 25 коп.	№ 2
Юрий ПРОКУШЕВ. Кремень—слеза. Цена 15 коп.	№ 3
Владимир АМЛИНСКИЙ. Шахматы в Лялином переулке. Рассказы. Цена 15 коп.	№ 4
Ашот АРЗУМАНЯН. Здравствуй, Россия. Цена 25 коп.	№ 5
Владимир ЦЫБИН. Правота. Стихи. Цена 20 коп.	№ 6
Лев КОРНЕЕВ. Враги мира и прогресса. Цена 15 коп.	№ 7
Называем их имена. (По следам одной фотографии. Конкурс журналов «Огонек» и «Freie Welt».) Цена 15 коп.	№ 8
Садриддин АЙНИ. Судьба одного народа. Цена 15 коп.	№ 9
Олег ШМЕЛЕВ. Репортаж без восклицательных знаков. Очерки и рассказы. Цена 25 коп.	№ 10
Семен ШУРТАКОВ. Сливы на ветке. Рассказы. Цена 15 коп.	№ 11
Сергей НАРОВЧАТОВ. Окно в молодость. Цена 20 коп.	№ 12
Виктор ЛОГИНОВ. Тихий час белой луны. Рассказы. Цена 15 коп.	№ 13
Ашот ГРАШИ. Родник журавлей. Стихи. Цена 15 коп.	№ 14
Йордан МИЛЕВ. Сейчас и завтра. Стихи. Цена 15 коп.	№ 15
Михаил КОТОВ. Памятные встречи. Очерки. Цена 20 коп.	№ 16
Ты должен обещать. Рассказы скандинавских писателей. Цена 30 коп.	№ 17
Наум ЛАБКОВСКИЙ. Собака Муза. Рассказы и юморески. Цена 15 коп.	№ 18
Вячеслав КУЗНЕЦОВ. Баллада о глобусе. Стихи. Цена 15 коп.	№ 19

Халлдор ЛАКСНЕСС. Званный обед с жареными голубьями. Рассказы. Перевод с датского. Цена 15 коп.	№ 20
Юрий СЕЛЕЗНЕВ. Созидающая память. Цена 20 коп.	№ 21
Акджемал ОМАРОВА. Ковер, сотканный из камней. Стихи. Перевод с туркменского. Цена 15 коп.	№ 22
Олег СКУРАТОВ. След партизанских саней. Цена 15 коп.	№ 23
Розалия ЕРМОЛЬЕВА. Память сердца. Рассказы. Цена 15 коп.	№ 24
Мост возвращения. Стихи современных поэтов Палестины. Перевод с арабского. Цена 15 коп.	№ 25
Евгений ВИНОКУРОВ. Путешествия. Стихи. Цена 15 коп.	№ 26
Георгий ЕФИМОВ. Мгновение. Стихи. Перевод с чувашского. Цена 15 коп.	№ 27
Эрнест ХЕМИНГУЭЙ. Вешние воды. Повесть. Цена 35 коп.	№ 28
Борис ГУСЕВ. Ночь в Ясной Поляне. Цена 15 коп.	№ 29
Сергей ГОРОДЕЦКИЙ. Русские портреты. Цена 20 коп.	№ 30
Николай ДАЛАДА. Горькая любовь. Цена 20 коп.	№ 31
Анатолий РОГОВ. Алые кони. Повесть. Цена 20 коп	№ 32
Ольга КОЖУХОВА. Ночные птицы. Повесть. Цена 25 коп.	№ 33
Габриэль Гарсиа МАРКЕС. Незабываемый день в жизни Бальтасара. Рассказы. Перевод с испанского. Цена 30 коп.	№ 34
Алекс Ла ГУМА. Я пришел сюда, чтобы петь. Статьи, речи, эссе. Цена 10 коп.	№ 35
Петр ДУДОЧКИН. Журчеек. Цена 20 коп.	№ 36
Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ. Цирк улыбается. Юмористические рассказы. Цена 25 коп.	№ 37
Александр НИКОЛАЕВ. Раздумья. Стихи. Цена 20 коп.	№ 38
Константин БАДИГИН. Морские рассказы. Цена 20 коп.	№ 39
Илья ФЕЙНБЕРГ. Загадочный набросок Пушкина. Цена 15 коп.	№ 40

Мкртич КОРЮН. Историческая черепаха. Басни. Шутки. Перевод с армянского. Цена 15 коп.	№ 41
Станислав КАЛИНИЧЕВ. Люди добрые. Цена 20 коп.	№ 42
Владимир КОРАЛЛИ. Считаем себя мобилизованными. Цена 20 коп.	№ 43
Анатолий АГАРЫШЕВ, Анатолий ЮРКОВ. Изгнанники. Цена 20 коп.	№ 44
Олег ШЕСТИНСКИЙ. Чем живу. Стихи. Цена 15 коп.	№ 45
Максим РЫЛЬСКИЙ. Тайна осенней листвы. Стихи. Цена 15 коп.	№ 46
Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС. Королева Ядвига. Стихи. Цена 15 коп.	№ 47
Алексей ИОНОВ. В поисках Рагозиной балки. Цена 20 коп.	№ 48
Наталья ШИШКИНА. Возвращение цыгана Будулая. Цена 20 коп.	№ 49
Давид КУГУЛЬТИНОВ. Свет женщины. Стихи. Перевод с калмыцкого. Цена 15 коп.	№ 50
Ольга КРЕТОВА. Как я потеряла подарок Водопьянова. Цена 20 коп.	№ 51
Юрий ЛУШИН. За солнечным ветром. Очерки. Цена 15 коп.	№ 52

Владимир Анисимович Франюк

ПОЛИРОВАННЫЙ ШКАФ

Редактор Е. Ф. Олейник.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 02.11.78. Подписано к печати 22.03.79. А 00640.
 Формат 70×108¹/₃₂ Бумага типографская № 2. Гарнитура «Новогазетная».
 Высокая печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,83.
 Тираж 100 000 Изд. № 535 Зак. № 3078. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПРИ ПОЕЗДКАХ В ОТПУСК, КОМАНДИРОВКУ, В
ТУРИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ УДОБНЕЕ ХРАНИТЬ
ДЕНЬГИ НА АККРЕДИТИВЕ.

Аккредитив является именным документом, по которому деньги, внесенные в сберегательную кассу одного города или района, можно получить в сберегательной кассе любого города или района.

● Владельцу аккредитива сберегательная касса выдает два документа: аккредитив и контрольный лист к нему. Эти документы надо хранить отдельно для того, чтобы в случае утраты одного из них деньги по аккредитиву не могло получить другое лицо.

● Существуют два вида аккредитивов: на любую сумму до 1000 рублей и на сумму в 300 рублей. Деньги по аккредитиву до 1000 рублей выплачиваются сберегательной кассой в полной сумме, внесенной на аккредитив. По аккредитиву в 300 рублей можно получить деньги в полной сумме или по частям, по 100 рублей. Для получения денег по аккредитиву установлен четырехмесячный срок со дня выдачи аккредитива. После этого срока оплата аккредитива сберегательной кассой может быть произведена в течение трех лет только с разрешения управления Гострудсберкасс области, края или республики, название которой указано на бланке аккредитива.

● При получении денег по аккредитиву его владелец должен предъявить в сберегательную кассу паспорт или заменяющий его документ.

Владелец аккредитива может доверить получение денег по аккредитиву другому лицу.